

18+

Вячеслав Камедин

ИТЭЗВОС ДОТЪЛЪНИС
СИМУЛЯТОР СОВЕСТИ

Вячеслав Камедин

Симулятор совести

«Издательские решения»

Камедин В.

Симулятор совести / В. Камедин — «Издательские решения»,

Захватывающий психологический триллер о журналисте, который соглашается на участие в секретном проекте по изменению человеческой личности.

Но что, если цена эксперимента — человеческая душа? В центре сюжета — журналист, втянутый в опасную игру с проектом ЭСИЛ — системой исправления личности. Он становится подопытным в эксперименте, где стирается грань между реальностью и иллюзией, правдой и ложью, добром и злом.

© Камедин В.

© Издательские решения

Содержание

Коэффициент осознания	7
1	7
2	9
3	12
4	14
5	16
Машинка для мозгов	18
1	18
2	20
3	24
4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Симулятор совести

Вячеслав Камедин

Моей милой Наташеньке

© Вячеслав Камедин, 2026

ISBN 978-5-0071-1198-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

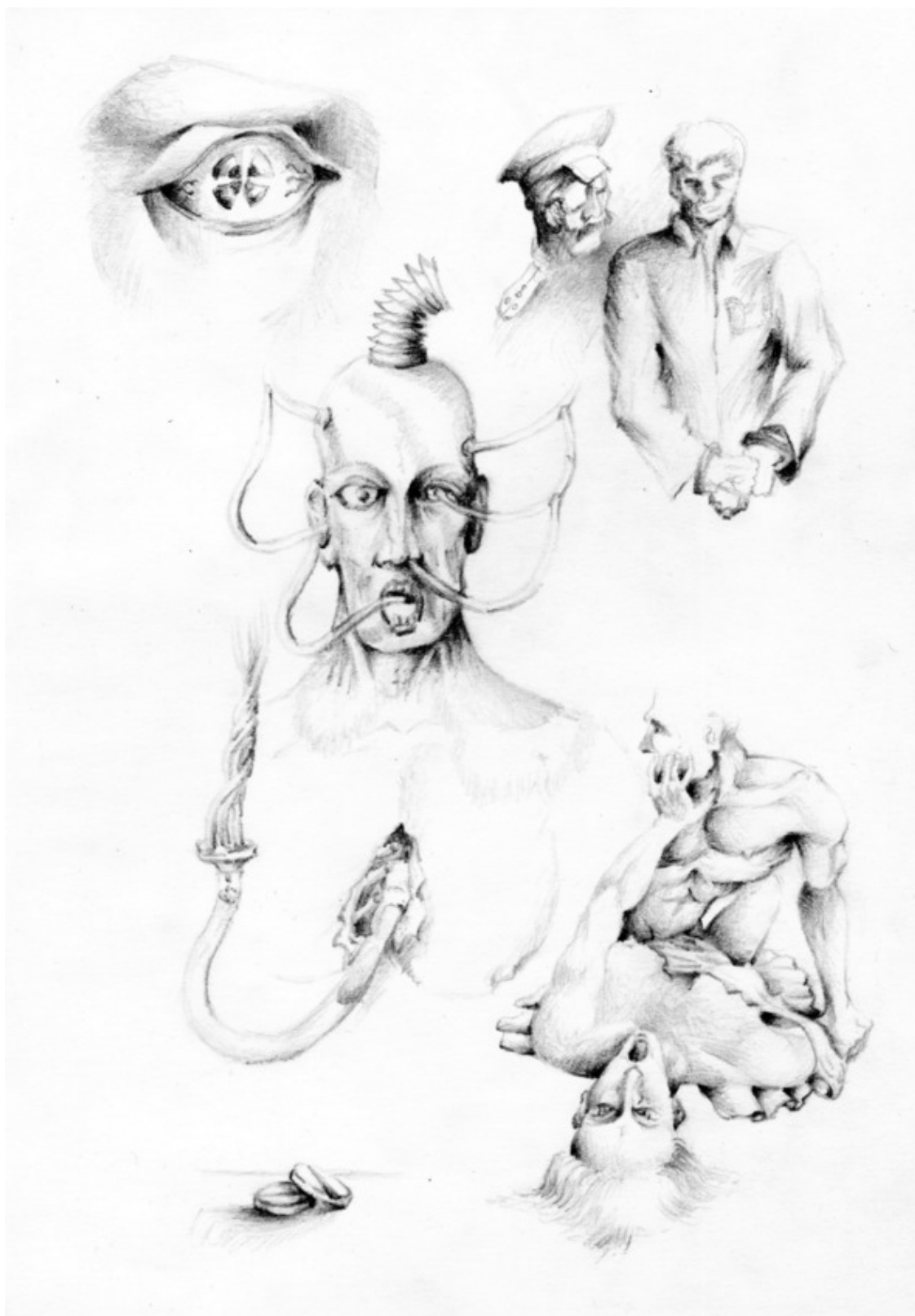

рисунок автора

*Мама, мы все тяжело больны,
Мама, я знаю, мы все сошли с ума.
Виктор Цой*

Коэффициент осознания

1

Грузовой ЗИЛ дёргается на ухабах так, будто пытается вытряхнуть из меня позвоночник. За решёткой — двое в форме внутренних войск. Автоматы лежат на коленях, пальцы расслаблены, но я знаю: одно движение — и лязг затвора оглушит тесную кабину.

На моих запястьях холодная сталь. Настоящие браслеты, никаких скрытых кнопок. Свет тусклой лампы под потолком режет глаза после темноты. Пространство давит на барабанные перепонки гулом мотора. От этого гула мысли путаются, становятся вязкими.

Я смотрю на свои руки и вдруг ловлю себя на животном ужасе: мне кажется, что я везу их в зону. Что за колючей проволокой меня ждёт нары на двадцать лет. Память пуста. Чтобы не сорваться, заставляю себя дышать по схеме: четыре секунды — вдох, шесть — выдох.

Я журналист. Меня зовут... Чёрт. Имя тоже тонет в рёве двигателя. Ладони липкие. Главное правило игры — молчать.

Конвоиры его нарушают:

— Таких бы я валил сразу. Без сожаления.

— Голосовал бы за вышку, если б спросили.

Они смеются, когда кузов подбрасывает на рытвине и мой затылок врежется в стенку. Искры из глаз. Боль отрезвляет лучше нашатыря. Это не сон. Металл холодный, синяк будет настоящим. Значит, игра началась всерьёз.

Резкий тормоз. Скрежет металла. Дверь будки отъезжает в сторону, вбивая в полумрак клин серого весеннего света. Пыль танцует в луче. После многочасового мрака бетонка слепит.

Мир обрушивается звуком. Оглушительный лай овчарок, рвущихся с цепей. Щебет птиц над забором с «колючкой». Шелест листвы. Стук берцев по асфальту. Резкие окрики кинологов.

Свобода пахнет озоном и уходит сквозь пальцы. Животный инстинкт кричит — бежать. Но ноги ватные.

— Бегом! Лицом вниз! Сумку на голову!

Толчком приклада между лопаток выбивают из кабины. Пригнувшись, бегу к воротам. Солдат не удержал поводок. Овчарка класает зубами у самой икры, вырывая клочок ткани из куртки.

Ещё удар прикладом, уже сухой, точный — по рёбрам. Влетаю в мрачное нутро коридора. Прислоняюсь к стене. Тяжело дышу.

Проклятый Павлов. Проклятая редакционная текучка, из-за которой я согласился на эту авантюру. Спина горит огнём. В ушах звенит тишина, сменившая собачий хор. ЗИЛ за спиной тоскливо взывает двигателем и растворяется вдали.

Коридор стерилен. Белизна стен напоминает операционную, а не тюремный блок. Если бы не запах хлорки вперемешку с оружейной смазкой — полное дежавю больницы. И самое странное — меня оставили одного. Просто бросили посреди казённого кафея.

Бросаю сумку на пол. Руки всё ещё скованы. Инстинктивно ощупываю замок. Никаких кнопок, никакой бутафории. Литая сталь. Конспирация на высшем уровне. Где все? Сколько мне стоять здесь, впитывая спиной холод стены?

Из глубины коридора рождается ритм. Чёткий, с каблука на носок. Не шарканье зэка и не шаг военного. Танец. Чечётка.

Показывается грузная фигура. Белый с зелёным отливом халат, просторная майка, брюки. На ногах — целлофановые бахилы поверх туфель. Доктор Павлов. Он улыбается, словно встретил меня в фойе отеля, а не выволок из автозака.

— Прибыли? Надеюсь, поездка не утомила.

Он замечает мой взгляд, брошенный на собственные запястья.

— Приносим извинения. Секретность протокола. Мы компенсируем неудобства.

Щёлчок ключей. Сталь падает в карман его халата.

— То, чем мы занимаемся, перевернёт криминалистику. Все взгляды на патологию преступников.

Неделю назад этот верзила сидел напротив меня в кабинете редакции. Монитор отбрасывал синеву на его лицо.

— Проект ЭСИЛ. Экспериментальная система исправления личности. Нам нужен инсайдер со стороны прессы.

— Почему я?

— Остальные не подходят.

— А я подхожу?

— Вы нам подходите. Всем.

В его глазах не было вопроса. Он пришёл не просить, а уведомить о моём согласии. Ждал только формального «да».

— Мне нужно подумать.

— Два дня, — выдохнул он с театральной горечью. — Но я разбираюсь в психотипах. Вы придёте.

Я остался один. Смотрел в монитор, пытаюсь закончить статью, срок сдачи которой истекал завтра. Буквы плыли. «Система исправления личности». Исправление. Они собираются стирать людей? Перепрошивать мозги, превращать в послушных кукол? Или им просто нужны расходники? Лабораторные крысы.

Единственный способ узнать наверняка — переступить порог. Страх ледяной иглой входил под лопатку, но любопытство журналиста оказалось сильнее. Оно всегда сжигает мосты дотла.

Шаги Павлова стихают. Он остановился в десяти метрах.

— Раздевайтесь. Одежду — в утилизатор. Санпропускник дальше по коридору. У вас три минуты, пока готовится нейроконтур.

Нейроконтур. Слово падает в тишину тяжёлым камнем. Игра окончательно перестаёт быть игрой.

2

Два дня я провёл в съёмной клетушке у старой дамы, не выходя на улицу. Курил одну сигарету о другую. Мысли ходили по кругу, стирая границы между паранойей и здравым смыслом. Шанс засветиться выпадает раз в жизни. Мои прошлые ошибки — когда я трусил взять нужный ракурс или промолчал там, где должен был кричать — жгли кислотой. Теперь же моя хваленая осторожность делала ту же работу, что и прежняя глупость: обе они надёжно блокировали любое действие.

«Ты идиот, если снова сольёшься, — говорил я отражению в тёмном окне. — Что ты теряешь? Семьи нет. Друзей нет. Работа катится в пропасть».

Я уснул под утро второго дня. В редакцию пришёл выжатым досуха. Тело само рухнуло в кресло, палец механически нажал кнопку системника. Монитор моргал заставкой.

— Решились?

Голос раздался из угла кабинета. Я вздрогнул так, что больно хрустнули позвонки.

Павлов сидел в моём кресле, скрыв лицо развёрнутой газетой. Видны были только глаза — холодные, смеющиеся.

— Вы давно здесь?

— С девяти утра. Газета открывается в восемь. Журналисту стоило бы знать график собственной редакции.

Он аккуратно сложил бумагу. Без четверти двенадцать.

— Как вы вошли? Замок...

— Дверь была открыта, коллега. Два дня головолмки, бессонная ночь, и всё ради того, чтобы забыть повернуть ключ. Ваша нерешительность имеет физическую цену. Взгляните в зеркало.

В замке провернулся ключ. В кабинет ворвалась Верочка. Волосы дыбом, воротник блузки перекручен. Не поздоровавшись, она швырнула мне на стол распечатку:

— Статья! Срок был вчера! Так да или нет?!

Я переводил взгляд с неё на Павлова. Горло пересохло.

— Вера... Мне нужно исчезнуть. На время.

Она замерла.

— Исчезнуть? Ты в своём уме?

— Этот человек предложил работу.

— А газета?! — её крик ударил по ушам. — Свет клином сошёлся?! Да мы закрываемся через месяц! Наш счёт арестован, кредиторы дышат в затылок! Единственный журналист, ради которого нас ещё покупают, — это ты! Только твои тексты держат этот тонущий корабль!

— Вера, перестань...

— Талантливых много! — она заметалась по кабинету, сметая всё со стола. Ручки, степлер, календарь полетели на пол. — А ты один! Кто он? Большие гонорары посулил?

— Я не знаю условий.

Верочка нервно рассмеялась. Её рука потянулась к тяжёлой металлической пепельнице. Я вскочил, перехватывая запястье.

— Почему ты всегда всё усложняешь?

— Всё плохо, — голос её вдруг сел до шёпота. — Сроки горят. И лучшие люди разбегаются. А газета... это всё, что у меня есть. Моя семья.

Её плечи дрогнули. Она высвободила руку и отвернулась к окну. Чёрт возьми. Я знал, что она ко мне неровно дышит. Знал, что дела конторы дрянь. Бросить её сейчас — предательство чистой воды. Но два года в этой болотной жиже вытравили из меня остатки альтруизма.

Я стоял посреди разгрома. Чаша весов металась. Пока не встретился взглядом с Павловым. Уголок его рта дёрнулся вверх — лёгкая, почти незаметная издевательская усмешка. Он смеялся над моей слабостью. Это стало последней каплей.

— Знаешь, Вера... — начал я, чувствуя себя последним куском дерьма. — Мне тоже надо расти. Не вечно же гнить в твоей провинциальной...

— ...газетёнке, — глухо закончила она за меня. — Вот оно что. Тебе плевать. На газету. На меня. На то, что между нами было.

— Вера, это не то...

— Именно то! Психологическая разгрузка, да? Удобно иметь начальника, который пускает тебя в постель, а потом делает вид, что это ничего не значило? — она никогда не стеснялась посторонних, боль была фонтаном. — Руки этого человека снимали с меня трусики. И вот теперь, когда меня топят, ты прыгаешь за борт. Да кто ты после этого?

— Я уже слышал эту формулировку, — ляпнул я, пытаюсь сбить градус пафоса дешёвой шуткой. — Про трусики.

Эффект разорвавшейся бомбы.

— Ах так?! — завизжала она. — Совести у тебя нет!

— Совести? — подал голос Павлов, которому явно наскучило быть мебелью. Он произнёс это слово с каким-то гастрономическим интересом.

— Да, совести! А что такое?

— То, — передразнил её интонации Павлов, — что моё ведомство может помочь вашему подчинённому решить эту проблему.

— Помочь приобрести совесть? — опешила Верочка. — Это не хлеб в магазине.

— Ошибаетесь. Можно. Представьте, что эмпатия — это мышца. Атрофировалась — можно нарастить. Открою вам тайну, но только между нами: именно этим мы и занимаемся. Помогаем людям приобретать совесть.

Верочка расхохоталась. Искренне, зло.

— Чудесно! Это как раз то, что прописано этому красавцу! Человеку, который...

— Знаю-знаю, — перебил Павлов, поднимая руки в жесте сдачи. — Вы уже просветили нас относительно предметов женского гардероба.

— Я не об этом хотела сказать! — вспыхнула она.

— Надеюсь.

— Хам!

— Как угодно. — Оскорбление стекло с него, как вода с плаща.

— Знаете что? — прищурилась Верочка. — Если вы такой эксперт по части морали, начните с себя. У вас самого совести ни на грош.

— А ведь мысль! — восхитился Павлов, изображая учёного на пороге Нобелевки. — Жаль, времени нет. Себя лечить — самая неблагодарная работа.

Она обожгла меня взглядом, резко развернулась и вышла. Хлопнула дверь. Наступила звенящая тишина.

Но через секунду щёлкнул замок, дверь приоткрылась. Из-за косяка показалась растрёпанная голова. Верочка нагнулась, чем-то загремела, нутужно сопя. Выпрямилась. Лицо её было белым, губы дрожали. Резкий бросок.

Хлопок двери оглушил.

Я стёр с щеки пыль. На ладони лежал кусок белой шёлковой ткани. Пахнущий её духами.

Павлов тихо засмеялся.

— Неужели то самое?..

Меня затопило от того, с какой лёгкостью этот тип копается в грязном белье моего прошлого. Я кивнул, пряча лоскут в карман пиджака.

— Я попросил бы...

— Простите, увлёкся, — тут же сменил тон Павлов. Голос стал бархатным, соболеznующим. — Искренне прошу прощения. Хотите, извинюсь перед ней прямо сейчас?

— Не надо.

— Нет, я чувствую вину. Позвольте хотя бы позвонить ей и...

— Полно, — оборвал я. — Может, оно и к лучшему. Ненавижу оправдываться.

Лицо Павлова мгновенно утратило скорбное выражение. Маска спала.

— Вопрос закрыт. Можно переходить к основному? Итак, ваше решение?

Я молча достал из его внутреннего кармана дорогую перьевую ручку и подписал гербовые бумаги внизу страницы. Павлов удовлетворённо мурлыкнул, убирая листы в портфель.

— И это всё? — удивился я.

— Ах да, — он словно очнулся. — Следующие два дня постарайтесь ничему не удивляться. Что бы с вами ни происходило.

— В каком смысле?

— Просто инструкция. Ведите себя адекватно. Любое событие воспринимайте спокойно.

Без суесть.

— Что должно произойти? — сердце пропустило удар.

— О! Ничего страшного. Обычный адаптационный период. Главное — не паникуйте.

— Такая секретность, что даже это нельзя сказать?

— Сожалею, — он развёл руками. Затем взглянул на часы. — Ба! Опаздываю!

— Подождите! — я шагнул к нему. — А условия? Оплата?

Но мой вопрос утонул в гулком эхе пустого коридора. Павлов буквально испарился, оставив после себя лишь запах дорогого парфюма и фразу, брошенную через плечо:

— Ни о чём не беспокойтесь. До свидания.

3

Я остался один. Голова отказывалась строить логические цепочки. Два дня умственного марафона выжгли предохранители. Сунув ключ в замок кабинета, я вдруг подумал о Верочке. Зря сорвался. Мог бы помягче. Впрочем, объяснять ей нечего — сам плаваю в тумане.

Улица ударила по глазам апрельским солнцем. После серой недели город высох за одну ночь. Тени листьев мелко дрожали на раскалённом асфальте. Я стянул пиджак, перекинул через плечо и пошёл куда глаза глядят. Город лечит лучше психотерапевта: стоит выйти из затхлого офиса, и вселенская тоска скукоживается до размеров двух-трёх знакомых кварталов.

Речная встретила меня пустотой. Ни рыбаков, ни собачников. Только блики слепили сетчатку, да пластиковый пакет с лицом фотомодели медленно плыл по маслянистой воде. Лицо гримасничало: улыбалось, хмурилось, пока трубу водостока не затянуло его в бурлящую воронку. На горбатом мостике мальчишка на велосипеде едва не снёс меня в воду. Площадь приняла гулом старого трамвая, который протащил меня три остановки и выплюнул у кабака в подвале старого фонда.

Внутри пахло жжёным кофе и сыростью. Идеально. Темно, тихо, никого лишнего. Парочка студентов лет двадцати целовалась в дальнем углу. Пожилой мужчина дремал над пустой рюмкой у стойки. Мой формат.

Я взгромоздился на высокий стул.

— Лонг-айленд, лёгкий. Без льда.

Бармен — долговязый парень с татуировкой скрипичного ключа на шее — скучал. Увидев клиента, он воспрял и начал жонглировать шейкером. Подбрасывал, крутил, ловил одной рукой, добавляя ликёр прямо в полёте. Профессиональный цирк. Я смотрел на это безучастно, хотя внутри всё замирало от восхищения. Не хватало ещё пускать слюни на дешёвые фокусы.

Второй стакан провалился внутрь, растворяя остатки вина перед Верочкой. Вспомнился бред Павлова про «приобретение совести». Шутил? А если нет? Принять таблетку — и каяться, посыпать голову пеплом. Бред. Химическая мораль.

Я перевёл взгляд на парочку. Они давно вышли за рамки поцелуев. Рука парня уверенно хозяйничала под столом. Девушка смеялась, запрокидывая голову, но лицо её становилось всё более отрешённым. Дети. Играют во взрослые игры. Ни стыда, ни совести. Павлову бы их в лабораторию.

— Как зрелище? — спросил бармен, лениво протирая бокал.

— Первый экскурс, — усмехнулся я. — Обычно вы такое видите в пятницу вечером?

— По утрам чище, — кивнул он. — Но первый опыт... Его трудно забыть. Сейчас они посилят, допьют лимонад и поползут в туалет обжиматься. Вот увидите.

Парень действительно щёлкнул пальцами, подзывая официанта расплатиться. Через минуту они, держась друг за друга, скрылись за дверью с надписью WC.

— Провидец, — констатировал я.

— Психолог, — поправил он. И вдруг резко дёрнулся. — О! Джекпот!

Он перемахнул через стойку, нырнул под их столик и выпрямился с торжествующим видом. В руке был зажат шёлковый лоскут чёрного кружева.

— Коллекционер, — пояснил он, разглаживая ткань на полировке. — Энергетика. Запахи. Мысли. Мёртвые вещи из магазина мне не нужны.

— Чем же надо думать, чтобы мысли остались на эдаких вещичках?

— Вы смеётесь, а любой медиум расскажет о вас всё, взяв вашу зубную щётку.

— Ты медиум?

— Учусь. Пока безуспешно, — признался он. — Хотя... Хотите фокус? Расскажу всё о владельце этого изыщества.

Мне стало мерзко. Захотелось проверить его. И тут же захотелось врезать ему по зубам. Я достал из кармана скомканный белый шёлк. Тот самый, которым швырнула в меня Верочка.

Бармен принял тряпицу двумя пальцами, как улику. Понюхал. Помял щёки.

— Итак, — резюмировал он. — Взрослая. Интеллигентная. Много читает, знает язык. Любит Серебряный век. Образование — два красных диплома, сразу видно породу. Последние месяца три у неё ад. Что-то любимое отмирает, работа или дело всей жизни. Она на грани нервного срыва. Недавно ушёл мужчина. Единственный, кажется. Тот, которого она любит. Или любила. Так сильно любят только один раз.

Смех застрял у меня в глотке похолодевшим комком. Он не ошибся ни в одном слове. Каждая фраза — гвоздь в крышку моего самообладания. Слова об ушедшем мужчине ударили под дых. Никогда я не чувствовал себя настолько мелким, сидя на дешёвом пластиковом стуле.

— Да, чуть не забыл, — бармен прошёлся вдоль стойки, сжимая тряпицу. — Имя. Что-то набожное. Мария? Нет. Вера. Её зовут Вера.

Тонкий, упругий удар по позвоночнику. Мир качнулся.

— Нисколько, — прохрипел я. — Совпадений ноль.

— Жаль, — он разочарованно бросил платок на стойку. — На этот раз не вышло. Знаете... подарите мне эту вещицу.

Я сгрёб шёлк со стола, чувствуя тепло чужого пота.

— Водки. Двойную. Чистую.

Сорок градусов обожгли пищевод. Я отказался от закуски. Меня тошнило уже без всякой водки. От липкого сочувствия бармена, от собственной трусости, от слова «совесть».

— Кстати, о мозолях, — сказал я, глядя на вернувшуюся парочку. Девушка рылась под столом, шипя что-то про золотую канитель и мать. Парень ухмылялся. — Что есть совесть?

Бармен задумался.

— Это старая мозоль на пятке. Когда свежая — ходить больно. А когда закоростелела — её не замечаешь. Зато она помогает не набить новую.

— Туманно.

— Сколько с меня?

Я кинул купюры.

— Всё же отдай им. Мать её приберёт за вышивку.

— Сделка, — прищурился он. — Те, что у меня в кармане, в обмен на Верочкины.

— Облезешь.

— Всё-таки я был прав. Её имя — Вера.

Я вышел в жидкое марево улицы. Асфальт плавился, воздух дрожал линзой, обманывая лужами. Рубашка мгновенно стала мокрой. Перед глазамиплыли круги. Старые мозоли тоже причиняют боль, думал я, пытаясь удержать равновесие, стоит только их расковырять. Тебе это удалось, сволочь.

Ноги стали ватными. Желудок скрутило спазмом. Добравшись до того самого горбатого мостика, где утром веселились велосипедисты, я перегнулся через перила. Меня долго и мучительно выворачивало чёрной желчью прямо в ту самую реку. Прохожие обходили стороной, кто-то брезгливо бросил: «Нализался». Мне было всё равно. Внутри образовалась звенящая, стерильная пустота.

4

Очнулся я от холода. Вода заливала глаза. Трое пацанов лет десяти-двенадцати сидели надо мной на корточках. Один, самый старший, в ярко-красных плавках, держал палец у моего шеи, считая пульс.

— Очухался? — спросил он басом. — Мы тебя по луже тащили. Думали, всё.

— Что произошло?

— Утонул ты, дяденька, — буднично ответил он. — Стоял на мосту, перегнулся за ограду — и бульк. Пузыри пустил. Хорошо, мы тут карасей тягали.

Самый младший, крестик на худой груди блестел на солнце, наклонился совсем близко:

— Дяденька... ну как там?

— Где?

— На небесах.

Я выдавил улыбку. Рёбра болели так, будто по ним проехал тот самый ЗИЛ.

— Не знаю. Меня оттуда выгнали обратно к вам.

Пока они помогали мне встать, вода хлюпала в моих ботинках.

— Больше не тони, — сказал парень в красных плавках.

— И не пей в жару, — добавил мальчик с крестиком.

Я пожал им руки. Мокрые, жёсткие ладони. Сделал шаг, другой. Остановился. Пацанёнок с крестиком догнал меня, дёрнул за мокрый рукав рубашки.

— Дяденька... а ангелов видел?

— Видел, — кивнул я. — Они только что выволокли меня из воды. Вон стоят, сети сматывают. Беги к ним.

Они снова махали мне вслед, как старому знакомому.

Только пройдя квартал, холод пробрал меня уже изнутри. Пиджака не было. Вместе с ним на дне реки остались бумажник, документы, ключи от редакции. Спасла только цепочка с квартирными ключами, пристёгнутая к ремню.

Когда дверь квартиры захлопнулась за спиной, я рухнул на кровать прямо в мокрой одежде. Сон навалился бетонной плитой.

Мне снилась Верочка. Она уплывала от меня по реке лицом вниз. Я грёб изо всех сил, хватал её за одежду, но пальцы соскальзывали. В руке остался лишь кусок мокрого шёлка.

Потом мальчишки пытались делать ей искусственное дыхание, а бармен-коллекционер, воспользовавшись суматохой, стягивал с неё кружевную ленту.

— Это для моей коллекции, — шептал он, облизываясь.

Я ударил его ногой в лицо. Он беззвучно ушёл под воду.

Затем я оказался в трамвае. Битком набитое ржавое нутро сдавливало рёбра. Мне нужно было выйти, моя остановка давно осталась позади, но люди превратились в монолитную массу пота и злых лиц.

— Пропустите! — кричал я. — Задушите же!

Никто не реагировал. Только та самая молодая парочка из бара смотрела на меня сочувственно, разевая рты в крике, которого я не слышал. Рядом крутился мальчик с крестиком, дёргал за штанину:

— Про ангелов расскажи!

Внезапно толпа расступилась. Послышались змеиные шёпотки:

— Посмотрите, ведь он голый.

Я опустил глаза. Действительно. Голый. Кто-то бросился ко мне, пытаюсь скрутить локти. Я дрался насмерть — бил костяшками в переносицы, коленом в пах. Лица хрустели, кровь

заливала чужие белые рубашки. Вспомнил о кармане. Натянул найденный белый шёлк на бёдра.

Мёртвая тишина. А затем — гомерический хохот. Они падали в реку один за другим, показывая на меня пальцами.

Трамвай тронулся дальше, пустой. Из темноты дальнего конца вагона, покачиваясь, вышел Павлов. В руках он держал чёрную капсулу.

— Вы совсем голый, — констатировал он. — Даже эта тряпка вас не оправдывает. Ни стыда, ни совести. А вот это, — он протянул ладонь, — должно помочь. Здесь ваша доза. Ваша новая совесть...

И тут память прорвалась сквозь бред. То, что случилось после кабака. Животный ужас сковал горло даже во сне.

Переулок, заваленный гнилью и газетами. Солнце печёт затылок. Навстречу бредёт мужичонка — помятый, опухший, смердящий перегаром. Поравнявшись со мной, он вдруг оскалился, выхватил из-за пазухи заточку.

Инстинкт, въевшийся в мышцы ещё со школьных секций бокса, сработал сам. Уклон. Хук справа. Сухой треск хрящей. Бродяга упал навзничь, запрокинув голову под неестественным углом. Я бросился к нему. Пульса нет. Затылок превратился в кровавое месиво. Я оглянулся. Никого. Чистая улица. Только запах пыли и раскалённого асфальта. Я побежал.

Во сне я наконец признал очевидное. Я убил человека. Страшно не было. Было тошнотворно-буднично. Мозг лихорадочно искал выход: стереть следы, обеспечить алиби, найти свидетелей. Раскаяния — ноль. Чистейшая механика самосохранения. Самооборона. Пусть попробуют доказать обратное.

Грохот вырвал меня из сна. Деревянная дверь ходила ходуном.

— Откройте. Милиция.

Слово ударило под колени. Значит, это был не сон.

Тело отказалось держать вес. Я сполз по стене, схватившись за вешалку. Ржавые крючки впились в ладонь.

На пороге стояли трое. Серый костюм, двое в форме — лейтенант и сержант.

— Гражданин... — серый скользнул по мне взглядом. — Имя?

Я смог только кивнуть.

— Постановление на арест, — он сунул мне под нос гербовый бланк. Буквы прыгали.

— Позвольте... Я ничего не совершал. Какое право...

— Совершали или нет — не наша забота. Указание доставить. Три минуты на сборы.

— За что?!

— Советую воздержаться от вопросов, — серое лицо не выражало ничего. — Иначе будем вынуждены применить силу.

— Но я же не сопротивляюсь!

— Ладно, — выдохнул он. — Надоело.

Кивок подчинённым. Две пары рук профессионально, без злобы, заломили мои локти за спину. Боль прошла суставы.

Меня втокнули в зарешёченное чрево патрульного УАЗа. Никто не проронил ни слова. Требования адвоката, звонка, следователя разбивались о глухое молчание.

Дверь одиночной камеры закрылась с тяжёлым лязгом. Темнота. Сырость. Запах вековой плесени.

Я сел на край деревянных нар. Логика пасовала. Осмотрительный человек, журналист-неудачник — и труп в переулке. Так не бывает. Внутри зрела ледяная уверенность: корни этого безумия уходят в кабинет Павлова. Его появление резонировало с моим крахом. Хотя разум твердил: совпадение. Просто чудовищное, невозможное совпадение.

5

Мозг начал сбоить. Галлюцинации накатывали волнами. Камера исчезла. Я сидел в пустом кинозале. Стена напротив светилась синевой экрана.

На нём разворачивалось моё прошлое. Чемпионат области по боксу. Мне девятнадцать. Пророчат лёгкую победу и мастера спорта.

Вот я разминаюсь в раздевалке. Резкие уклоны. Хуки в воздух. Апперкоты со свистом режут пространство. Тень не поспевает за телом. Тренер хлопает по плечу:

— Пора.

Длинный гулкий коридор. Секунданты у пятого ринга. Рефери ждёт внизу. Тот парень из зеркала подпрыгивающей походкой идёт вперёд. Лицо каменное. Он уже убил там всех, осталось только забрать тело.

Зал ревёт. Прыжок под канаты. Ринг принимает тяжесть.

Он нервничает. Дрожит мелкой дрожью предбоевой лихорадки. Но реакция опережает мысль. Ему достаточно почувствовать движение воздуха кожей спины, чтобы понять вектор удара. Организм работает на разрыв капилляров, готовый выплеснуть химию мышц в один нокаутирующий импульс.

— Бокс!

Разведка. Удары вязнут в блоках. Кроссы лёгкие, прощупывающие. Никто не вкладывает вес.

Гонг.

Я молодой, даже не запыхался. Отказываюсь от воды. Слушаю тренера:

— У него гуляет левый корпус. Работай по рёбрам. Клинчует — значит, дышалка села. Добивай.

Второй раунд. Левый корпус открыт. Я вбиваю крюк ему в печень. Он хрипит. Лезет в клинч — всё, спёкся. Гонг спасает его на десять секунд.

Третий раунд. Он прижат к канатам. Тренер орёт:

— Выключай!

Апперкот под левые рёбра. И тут же, без паузы, — правый крюк в висок. Сухой треск.

Рефери машет руками, открывая счёт. Останавливается. На канвасе расплывается лужица крови. Врачи, судьи, толпа — все бросаются вниз. Зрочки парня не реагируют на фонарик.

Позже скажут: скрытое недомогание, проблемы с сосудами. Зачем он вообще вышел? Ради грамоты?

После того турнира я бросил бокс. Поклялся никогда не применять этот навык в жизни. Никогда.

Проектор погас. Темнота камеры ударила по глазам.

Клятва рассыпалась в прах. Я её нарушил. Предал себя самого. Самое страшное — мне было плевать. Ни капли сожаления об убитом бродяге. Только глухая тошнота от собственного лицемерия. Кроме случая на ринге, таких поступков за мной тянулся целый шлейф. Я жил, не оглядываясь, пока сегодня утром Павлов не ткнул меня носом в зеркало. Выяснилось, что я давно худший из людей.

Лязг металла вырвал из мыслей. Металлическая дверь скребнула по бетону. Яркий прямоугольник света выжег глаза. Силуэт в проёме казался плоским.

— С вещами на выход. Приготовиться к этапу.

— Куда? — язык ворочался во рту, как деревянный. Сознание ещё наполовину плавало в том зале.

— Молчать! Лицом к стене. Руки за спину.

Толчок между лопаток швырнул меня на бетон. Надзиратель защёлкнул сталь.

Скосив глаза вправо, я увидел троих. Десять шагов по коридору. Высокий, широкоплечий, хитрый прищур. Узнал мгновенно. Показал пальцем себе на губы — молчи.

Павлов.

По его едва заметному кивку я понял: всё идёт строго по сценарию. Когда конвой повёл меня мимо, он сделал шаг в сторону, имитируя случайное столкновение. Скованные руки звякнули.

— Так надо, — прошипел он мне в ухо, мазнув запахом дорогого одеколона. — Не дёргайся.

И пошёл дальше, спокойный, как хирург после удачной операции.

Радости не было. Внутри вскипела чёрная, тяжёлая ненависть. Значит, СИЗО, мертвец в переулке, допросы — просто часть его эксперимента. Игра началась всерьёз. Единственное, что грело, — я не нарушил вторую клятву. Навык остался неиспользованным. Хотя сейчас, представься возможность поговорить с Павловым с глаза на глаз, я бы эту клятву растоптал без колебаний.

Конвоир толкнул в плечо, вырывая из ступора. Его ругань лишь подливала масла в огонь. Бойцы ВОХР на выходе довершили дело. Бесцеремонные тычки автоматными стволами, хруст суставов в плечевых сумках. Меня упаковали в будку ЗИЛа, как мешок с картошкой. Втолкнули за решётку. Наручники застегнули спереди — малая милость.

Железная дверь лязгнула. Двигатель взревел.

Меня везли в неизвестность. Во второй раз.

Машинка для мозгов

1

— Где я? — спросил я, растирая багровые полосы на запястьях. Тюрьма выглядела слишком подозрительно. Стерильная чистота больничной операционной. Через каждые десять шагов по стенам тянулись кварцевые лампы дезинфекции.

— В исследовательском центре ЭСИЛ. В святая святых.

— Что такое ЭСИЛ?

— Не сейчас. Дорога вас вымотала, да и те два дня размышлений были не из лёгких. Сейчас я провожу вас в комнату психологической разгрузки. Переоденетесь. Как видите, у нас строгий протокол чистоты; ни одна инфекция не должна сорвать эксперимент. Пока потрудитесь надеть это.

Он протянул прозрачные целлофановые бахилы с резинками.

Я молча натянул их поверх ботинок. Пакеты захрустели при каждом шаге.

— Зачем я вам нужен?

— О вашей миссии поговорим завтра.

— Я устал, подтверждаю. Но не настолько, чтобы перестать задавать вопросы. Вам не кажется, что лучший способ дать мне отдохнуть — это прекратить ломать голову о ваши ребусы? Из-за вас я не спал трое суток. Хотите добавить ещё одни?

Павлов задумчиво потёр подбородок.

— Резонно. Прошу прощения за грубый психологический просчёт со стороны специалиста. Думал, ваша организация личности более устойчива.

— Уж какой вышел.

— Итак, чего бы вы хотели? Хотя бы узнать суть миссии? — Он сам ответил на свой вопрос, увидев мой кивок. — Нам нужен наблюдатель.

— То есть?

— То есть вы. Человек извне. Посторонний для системы ЭСИЛ. Тот, кто будет вести летопись эксперимента. Взгляд со стороны. Вы умеете складывать слова в предложения, имеете опыт работы в прессе и... прочие критерии.

— Что за «прочие критерии»? — насторожился я.

— Мелочь. Не берите в голову, — он махнул рукой.

Мы шли вдоль длинного коридора. Запертые металлические двери через каждые двадцать метров. Таблички: «Секция №1», «Секция №2».

Мимо одной из них мы проходили, когда оттуда донёсся крик. Дикий, утробный. Так кричат только тогда, когда тело перестаёт принадлежать тебе и остаётся лишь чистая агония. Проклятия смешивались с мольбами. Звук шёл словно из-под земли.

Я замер. Павлов тоже остановился, пародируя мою позу. На его лице играла вежливая улыбка.

— Что это? — голос сел.

— Издержки производства, — пожал он плечами.

— Какие издержки?!

— Постепенно всё узнаете. Не стоит так спешить переваривать информацию.

— Хорошо, — сдался я, но внутри всё заледенело. — Вернёмся к наблюдателю.

— А что к нему возвращаться? — добродушно протянул Павлов.

— Почему именно я?

— Генератор случайных чисел выбрал вашу фамилию из базы данных журналистов страны. Компьютерная программа.

— Я понял.

— Великолепно. Затем второй фильтр отсева оставил одного кандидата. Вас.

— Слишком просто.

— Мы пришли, — вместо ответа сказал он и толкнул тяжёлую дверь в конце коридора.

Комната выбила меня из колеи. Мягкая кожаная мебель, стены-витрины со встроенными аквариумами, где плавали светящиеся твари, ковры с высоким ворсом. На стеклянных столиках — фрукты, дорогой алкоголь, лёд. Лёгкая джазовая мелодия лилась прямо из потолка. Это походило скорее на VIP-зал закрытого клуба или первоклассный бордель, чем на научный объект.

В глубине оказалась ещё одна дверь — сауна.

Павлов проводил меня внутрь, указал на плетёную корзину:

— Сложите одежду сюда. Отдыхайте.

И удалился.

Оставшись один, я первым делом вслух обложил матом Павлова, этот центр и свою сговорчивость. Разделся догола. Электроника управления паром была интуитивно понятной. Забрался на верхнюю полку, закрыл глаза. Наконец-то можно выдохнуть. Психика — цепь, даже самая закалённая сталь имеет предел прочности. Ещё полчаса таких умственных нагрузок, и я бы сорвался в полноценную истерику. К чёрту всё.

Пахло сухим кедром и раскалённым камнем. Дышалось легко. Воздух входил глубоко, расправляя лёгкие.

Память выкинула финт. Деревенька на краю света, отрезанная стеной тайги. Единственная связь с миром — пыльный жёлтый грейдер. Баня по четвергам. Низкая, прокопчённая, щелястая. Плеснешь воды на камни — и воздух становится густым, сиреневым от пара. Жар давит на плечи, печёт затылок, но из-под лавок тянет могильным холодом. Приходилось забираться с ногами наверх, пока живой дух бани не улетел в трубу.

Я приезжал туда гостить на лето. После города мыться раз в неделю казалось дикостью. К концу августа другой жизни уже не представлял.

Лица соседей, имена друзей детства — всё стёрлось. Осталась только та баня. Чёткое, яркое воспоминание. И запах — кисловатый, прелый, отдающий гнилым деревом и застоявшейся водой. Казалось, я чувствую его прямо сейчас.

2

Выйдя из сауны, я не нашёл ни своей одежды, ни обещанного халата — корзина была пуста. Но это недоразумение померкло перед тем, что открылось дальше.

На кожаном диване сидела обнажённая женщина азиатской внешности. Она улыбалась.

Я замер, забыв прикрыться.

— Ничего не нужно говорить, — произнесла она на чистом русском. — Подойдите.

Я шагнул вперёд, как загипнотизированный. Заворожённо смотрел на её гладкую кожу.

— Дышите ровно. Попробуйте ни о чём не думать.

Она взяла махровое полотенце. Её движения были матерински нежными: плечи, грудь, спина, ноги. От каждого касания по телу бежали разряды. Инстинкт проснулся мгновенно. Я потянулся за полотенцем, чтобы скрыть эрекцию, но она мягко отвела мою руку:

— Не впускайте стыд. Очистите сознание.

Я принял это за приглашение к близости. Шагнул ближе.

— Нет, — она качнула головой. — Я здесь не для этого.

Прикрыв мне рот ладонью, она пресекла вопросы:

— Ложитесь на спину. Закройте глаза. И не думайте.

Её голос действовал как гипноз. Чувствуя себя идиотом рядом с этой странной женщиной, я всё же лёг.

Щелчок зажигалки. Незнакомый запах трав ударил в нос. Тело потеряло вес. Всё поплыло.

Сознание раздвоилось. Я сидел на том же диване напротив и наблюдал за собой. Женщина массировала голого мужчину, похожего на меня. Затем легла сверху... и они начали подниматься над ложем. Парить в воздухе. Их тела становились прозрачнее, призрачнее, пока не растворились вовсе. Остался только пустой диван.

Когда шок отступил, я оглядел себя. На мне была спецодежда бледно-зелёного цвета — такая же, как у Павлова. Головная боль исчезла. Хотелось бежать, действовать, дышать полной грудью. Словно скинул двадцать лет.

— Как отдохнули? — Павлов сидел на подлокотнике соседнего дивана.

— Удивительно...

— Ещё бы! Вы проспали восемнадцать часов.

— Не может быть. — Я был уверен, что секунду назад вышел из парилки. Но абсолютная бодрость подтверждала его слова. Спрашивать про японку я не рискнул.

— Итак, — начал он, предвосхищая мой главный вопрос, — ЭСИЛ. Экспериментальная система исправления личности. Что это значит?

Он посмотрел на меня так, будто ждал ответа именно от меня.

— Давайте сделаем отступление. Так будет проще донести суть. Что вы думаете о совести?

— Теология? — предположил я.

— Нет.

— Философия?

— Практика.

Я развёл руками.

— Совесть с точки зрения биологии. Для чего нужен страх? Это предохранитель от самоуничтожения особи. Любовь? Забота о потомстве. Человек слаб, ему нужна опека почти полжизни. Чтобы родители не придушили дитя на второй неделе, природа дала им гормональную привязанность. Сострадание? Единственный механизм, сдерживающий самоуничтожение всего человечества. Животное убивает столько, сколько съест. Мы утратили чувство меры.

Если бы не жалость к ближнему, мы перебили бы друг друга ещё в пещерах. А совесть?.. — Он сделал паузу. — Это ретроспекция. Запоздалый соперживающий фактор. Страх работает до, милосердие работает в процессе. А совесть бьёт уже после содеянного. Чтобы в следующий раз вовремя включилось сострадание. Программа предотвращения рецидива.

— То есть вы хотите сказать, что это софт? Который можно обновить или починить?

— В самую точку! Представьте, что программа заблокирована. Почему рецидивисты совершают одно и то же снова и снова, всё меньше сожалея? Биологически мы одинаковы. Значит, дело в блоке управления.

Павлов отошёл к аквариуму.

— Посмотрите на них. Идиллия. Гармония утопии. Невозможная для людей. Знаете почему? У рыб нет мнения. А у человека оно есть на каждый чих. Аксиомы опровергаются новыми учениями. Навязать всем одну правду невозможно.

— Вы отвлеклись, — напомнил я.

— Да. Мы говорили о тех, у кого сломан ограничитель. Кто черствеет. Фаза торможения переходит в стопор. Социум ломает психику, человек утрачивает способность запускать программу совести.

рисунок автора

— Звучит как Фрейд.

— Вторая топка. Супер-эго против Ид. Цензор против агрессии и либидо. Сознательное лишь потребляет энергию бессознательного. Задача наших исследований обратная фрейдовской — не ослаблять давление цензора, а пробуждать его там, где он уснул.

— Вам это по силам?

— Девяносто девять процентов уверенности. Вопрос — каким образом? Признайтесь, сидя в тишине, вы ведь мечтали о вещах, которые осуждает мораль? Что вас останавливало воплотить фантазию? Только возможность поставить себя на место жертвы. Заглянуть в ту боль. Способность загодя пережить чужую смерть остановила вашу руку в переулке.

— Верно. Но как навязать этот опыт другому?

— Представьте, — он наклонился ко мне, — если преступнику дать возможность перевоплотиться в того, против кого было направлено преступление?

— Чистая фантастика.

— Отнюдь. Пойдёмте, продемонстрирую.

Мы поднялись.

— Небольшая ремарка. Мы упомянули Фрейда для наглядности. Наш метод шире. Видите параллели с Берном? Трансактный анализ. «Ребёнок — Взрослый — Родитель». У нас цензором выступает «Родитель». Провокатором — вытесненный «Ребёнок» с подавленными комплексами. Плохой ребёнок внутри убийцы когда-то был заперт взрослым, но взрослый деградировал. Наша цель — воскресить его. Можно вспомнить Юнга с его экстраверсией-интроверсией, но Юнг слишком мудреный, завязнем.

— Я тоже хотел предложить оставить Юнга, — выдохнул я. Голова гудела от имён. — Мы куда-то собирались?

— Именно туда, где вам сделают прививку.

— Прививку?

Павлов посмотрел непонимающе, по-детски хлопая ресницами.

— Прививку совестью.

3

Мы вышли из комнаты разгрузки в стерильный коридор. Шли молча. Мимо проплывали закрытые железные двери. От каждого лязга металла тревога подступала к горлу.

Слова Павлова не укладывались в голове. Фантазия рисовала гротеск: скальпели, вскрытые черепа, хирургическая пересадка личности. Вживление модуля в мозг преступника для перепрограммирования серого вещества. Жуткие образы сменяли друг друга.

Я тогда ещё не знал, что реальность окажется куда страшнее любой гравюры эпохи Возрождения. И всё же... где-то глубоко шевелился червь тщеславия. Павлов сказал это на пороге: «Вы присутствуете при историческом событии». Гипноз сработал. Казалось, я стою у истоков новой эры.

И крик. Тот самый вопль из-за железной двери. Теперь он звучал иначе. После лекции о совести этот звук обрёл физическую форму. Так кричит человек, когда ему насильно показывают его собственный грех. Выдержу ли я? Смогу ли смотреть?

Мы остановились перед одной из дверей. Такой же серый металл, как везде, но внутри меня звенела уверенность: это та самая комната. Предчувствие встречи со своими скрытыми страхами. Тем, чего я подсознательно стыдился.

Раньше мне не было дела до бессознательного. Я наблюдатель, а не пациент. Меня привезли фиксировать чужое безумие, а не обнажать своё.

— Не правда ли, здесь подошли бы слова Данте? — задумчиво произнёс Павлов, глядя на дверную ручку. — «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Повеяло могильным холодом. Я зябко повёл плечами.

— Это шутка, — тут же добавил он, заметив мою реакцию. — Мы дарим надежду. Надежду обществу на исцеление отдельных элементов.

Он набрал код. Электронный замок щёлкнул гулким эхом. Дверь открылась, открывая лестницу, круто уходящую вниз. Ступени узкие, стены сырые. Если бы снизу тянуло серой, сходство с преисподней было бы полным.

На удивление — тишина. Ни стонов, ни криков.

Внизу ждал короткий коридор. В конце — очередная дверь. Но слева был проход в другое помещение. Павлов шагнул туда.

Конференц-зал. Овальный стол. Ряд дутых кожаных кресел. Мониторы вдоль дальней стены транслировали чёрно-белую рябь камер слежения. Белёсые пятна дёргались в темноте.

В креслах сидела группа людей в зеленоватых комбинезонах. Семеро врачей. Четверо мужчин, три женщины. Один выделялся чёрной рясой и золотым крестом. Он сидел особняком, сложив ладони, словно на молитве.

Я скользнул взглядом по женским лицам. Сердце пропустило удар. Азиатка. Та самая, из сауны. Доктор Алимжанова. Она заметила мой взгляд и улыбнулась уголками губ. Скрыть изумление не вышло.

— Вижу, вы уже знакомы, — буднично заметил Павлов.

— Не совсем.

— Шинар Алимжанова. Институт восточной медицины.

Я пожал её маленькую тёплую руку.

— Вас здесь тоже знают, — сказала она. — Ваше досье изучили первым делом.

— У меня есть досье? — вырвалось у меня. — Архивы ФСБ?

Она лишь улыбнулась в ответ.

Павлов начал представлять остальных. Я отключил слух, запоминая только суть: светила нейробиологии, психиатрии, генетики. Взгляд снова упал на священника.

— Отец Иона, — представил его Павлов. — Наблюдатель от Православной церкви. Межконфессионального союза.

— Союза Мировых Религий, — мягко поправил монах. Его рукопожатие оказалось неожиданно крепким. — А вы представитель прессы?

— В некотором роде.

— Поясните. Насколько мне известно, проект закрытый.

Злость на Павлова снова кольнула под рёбра.

— Я неофициально представляю СМИ. Частное лицо.

— Закрытый объект, гриф секретности, отсутствие допусков, — отец Иона покачал головой. — По-вашему, это соответствует нормам безопасности?

— Полностью, — вмешался Павлов. — Приглашение согласовано. Гриф «Совершенно секретно» здесь оправдан.

— О, я не беспокоюсь, — священник сцепил пальцы в замок. — Ваша секретность должна беспокоить вас. Тайное всегда греховно.

— Мы призваны избавить человека от греха, — улыбнулся Павлов.

— Не берёте ли вы на себя функции Бога? — голос монаха стал жёстким. — Право отпускать грехи принадлежит не электронике. Даже священнослужитель не прощает сам, он лишь свидетель таинства. Не становитесь на путь индульгенции.

— Простите, отец Иона...

— Называйте меня Григорий Алексеевич. Мы не в деревенской церквушке.

— Хорошо, Григорий Алексеевич. Мы не раздаём отпущения. Мы помогаем человеку осознать содеянное и раскаяться.

— Своей аппаратурой? — усмехнулся монах.

— Почему бы и нет? Раскаяние — величайшее таинство во спасение души. Человек должен прийти к нему сам.

— Принудить к покаянию невозможно даже Господу. Это последнее право выбора.

— Мы не нарушаем выбор. Мы лишь даём инструмент для правильного решения.

— Посмотрим, — сухо бросил Григорий Алексеевич. — Информации слишком мало для выводов.

Я слушал их спор молча. Наука против религии. Одинаковая цель спасения, разные методы.

— Мне бы хотелось поставить вас в известность, — обратился ко мне Павлов, — что отец Иона прибыл вчера. Как и вы, он не введён в курс дела. Наш спор может показаться беспредметным.

— Вчера? — уточнил я. — Тоже в наручниках?

— В наручниках? — озадаченно оглянулся священник.

— Нет? — разочарованно протянул я. — Странно. Некоторых доставляют именно так.

— Подопытных, — догадался Григорий Алексеевич.

Павлов метнул в меня раздражённый взгляд.

— Именно их, — подтвердил он поспешно. — Давайте прервёмся. Чтобы ознакомить вас с сутью работы, предлагаю провести небольшую экскурсию. Встаньте, пожалуйста.

Мы поднялись. Группа потянулась к выходу. Я намеренно замедлил шаг. Когда Алимжанова оказалась позади всех, замыкая строй, я поравнялся с ней.

— Шинар, можно вас на минутку?

4

Мы отошли к стене.

— Не знаю, как сказать... — я потёр подбородок, жалея, что не побрился перед разговором с женщиной. — Скажу прямо: что это было? Там, в сауне.

Она терпеливо ждала, пока моя мысль оформится в слова.

— Вы хотите спросить о левитации?

Меня прошиб ток. Если бы не стена за спиной, я бы сел на пол.

— Разуму не стоит всегда доверять чувствам. Чувства обманывают разум. Так говорил мой дед.

— И всё же?

— Позже. Мы отстали, экскурсия проводится ради нас. Не будем задерживать группу.

Догнав делегацию, мы вошли в сектор содержания. Тюремный блок из голливудских триллеров. Двенадцать камер по правую руку. Вместо железных дверей и стен — толстое бронированное стекло от пола до потолка. Внутри — кровать, санузел, стол. Телевизор упрятан в стальной короб-«аквариум». Окон нет. Люминесцентный свет заливал пространство мертвенно-белым.

Павлов ждал нас у камеры №1.

— Третий сектор. Всего их три, везде по двенадцать камер. Тридцать шесть подопечных. Стадии обработки разные: есть старожилы, есть новенькие. Смешивание даёт результат. Почти все — пожизненный строгий режим. Серийники, маньяки, педофилы. Милые граждане, вырезавшие или изнасиловавшие не одну семью.

В первой камере сидел щуплый мужичок в голубой пижаме. Глаза пустые, смотрит в точку. Жалкое зрелище.

— Маньяк из Вологодска, — представил Павлов. — Семь томов уголовного дела. Пожизненно. Изнасиловал десятки женщин и детей. Увертливый фетишист-модельер, жертвы никогда не видели его лица. Сейчас он скучен — это после наших сеансов. Обычно этот тип крайне обаятелен. Первая стадия. Идеалистическая. Щадящий режим.

— Сколько дней он тут? — спросил отец Иона.

— Двадцать пять, — ответила Алимжанова.

— Номер двадцать пять? Без имён?

— Обезличивание. Ослабляем эго преступника на первых этапах.

— Как в концлагере, — вполголоса буркнул я. Группа бросила на меня осуждающий взгляд.

— Показатели? — игнорируя меня, спросил Павлов.

— Биологические ритмы в норме, — отчеканила Шинар. — Тенденция роста коэффициента осознания замедлилась, но устойчива. Регрессии нет.

— Что ещё за коэффициент? — вмешался я.

— Абстрактная величина, — начала доктор. — Отношение негативной реакции психики к позитивному моральному стимулу.

— Это градусник совести, — пояснил Павлов. — Насколько пациент готов осознать прошлое. Сначала они выдают чистую агрессию. Сочувствия ноль. Вот телевизор. Тестовый раздражитель. Демонстрируем сцены милосердия, замеряем отклик организма. Строим графики. Базовые показатели берём из досье МВД.

— Хотите сказать, эта цифра и есть совесть? — прищурился священник.

— Нет. Это готовность перейти на следующий уровень.

— А уровней сколько?

— Четыре. Идеалистический, Имитационный — самый долгий, Идентификационный и Адаптационный. Но это база. Сложные случаи дробятся на подуровни.

— Под рабочим материалом вы подразумеваете душу? — тихо спросил отец Иона.

— Если отождествлять психику с душой — да.

Я смотрел на модельера. Он сидел истуканом. Ни один мускул не дрогнул. Даже зрачки казались стеклянными.

— Что с ним? — перебил я дискуссию.

Все замолчали. Уставились на мумию. В конце коридора лязгнула дверь. К нам присоединились двое санитаров с электрошокерами-дубинками.

— Транс, — буднично сказал Павлов. — Лёгкий кататонический ступор. Вчера перестарались, вторая порция иллюзий была лишней. К вечеру оклемается. Ему сейчас хорошо, пограничное состояние нирваны. Завидуйте.

— Высшее блаженство, — вырвалось у меня.

— Именно.

— Он не похож на счастливого, скорее на сломанного, — заметил отец Иона.

— А вы предпочитаете видеть преступника счастливым? — съязвил Павлов.

— Все дети Божии. Заблудшие тоже заслуживают любви, просто не знают об этом и спешат творить зло, как обиженные дети.

— Пойдёмте, — отрезал Павлов. — Нас ждёт остальное стадо.

Камера №2. Зрелище выбило почву из-под ног.

Высокий лысый мужчина стоял абсолютно голым. По команде «Смирно» он вытянулся так, что каблуки щёлкнули. Затем начал маршировать вдоль стены. Резко остановился. Салютующий взмах рукой. Выхватил воображаемую винтовку. Прицелился в стену:

— Бах!

Выпрямился:

— Перезаряжай!

Сам себе гаркнул:

— Есть, товарищ командир!

И снова круг по камере. Кремлёвский полк сошёл с ума.

Группа впала в ступор. Экскурсия превратилась в кунсткамеру. Метаморфозы живых уродцев сначала шокируют, потом вызывают нервный смех, а затем становятся просто издержками производства. Врачи шептались, обмениваясь терминами. Отец Иона молча перекрестился.

— Что с ним? — выдавил я.

— Ничего, — пожал плечами Павлов. — Только прибыл. Два дня назад.

— Он болен? — подошёл ближе монах.

— Симуляция. Экспертиза чистая — полностью вменяем. Ловчил уйти от срока через дурдом. Актёр скверный. Станиславский бы выгнал.

— Мне показалось убедительным, — признался я.

— Эффект неожиданности. Ну-ка, утихомирьте его, смущает дам.

Санитары ввели код. Дверь уползла в паз. Они шагнули внутрь с поднятыми шокерами.

— Стоять! На пол!

Охотник проигнорировал приказ. Рванул вперёд. Первый удар шокером пришёлся в плечо. Его скрутило, отбросило на метр. Он взвыл, перекатился и прыгнул на второго. Навалился сверху. Электричество трещало. Запахло палёным мясом и озоном. Санитар пытался сбросить его, бил дубинкой по голове. Бесполезно. Охотник вцепился зубами ему в шею. Хлынула кровь, заливая ворот рубашки. Второй санитар пытался помочь, получал удары ногами в корпус. Голый человек оказался сделан из железа.

— Мочи! — рявкнул Павлов, бледнея. — Вторую фазу!

Один из врачей метнулся к тревожной кнопке в конце коридора. Визг сирены разорвал тишину сектора. Вспыхнули красные стробоскопы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.